

умѣющій считаться съ „духомъ войскъ“, рѣшающимъ факторомъ войскъ.

Исторія его знаетъ другимъ: военная исторія говорить о Наполеонѣ, какъ о полководцѣ, постепенно измѣнившемъ старую штыковую тактику времени Фридриха Великаго на орудійную. Невѣренъ затѣмъ и упрекъ въ томъ, что Наполеонъ не понималъ духа войскъ. Одинъ историкъ говорить: „Всѣ эти побѣды не были бы достигнуты, лучшіе планы и проекты безслѣдно пропали бы, если бы Наполеонъ не могъ ихъ приводить въ исполненіе при помощи своихъ войскъ, надъ душой которыхъ онъ умѣлъ господствовать, расположеніе которыхъ онъ себѣ снискивалъ съ перваго дня похода, и среди которыхъ, наконецъ, личность его пользовалась такой любовью, что онъ со своими войсками могъ предпринять рѣшительно все, что хотѣлъ“¹⁾. Если этотъ отзывъ нѣсколько преувеличиваетъ силу наполеонова вліянія, то во всякомъ случаѣ, даже на основаніи „Войны и Мира“ мы могли бы показать, что Толстой совершенно не правъ, думая, что Наполеонъ не понималъ духа войскъ. Наоборотъ, демагогъ въ мирѣ, сумѣвшій произвести переворотъ 18-аго брюмера, и тѣмъ обмануть всю Францію, онъ былъ не меньшимъ знатокомъ массъ и на полѣ битвы. Можно его считать человѣкомъ не чуткимъ, не понимавшимъ психологіи ближнихъ, но что онъ былъ прекраснымъ психологомъ массъ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ его воззванія къ войскамъ, въ которыхъ каждый рядовой солдатъ рисовался участникомъ величайшихъ историческихъ событій, въ которыхъ ложь и лесть переплетались съ обѣщаніями наградъ и добычи, въ которыхъ вся пропасть между полководцемъ и солдатомъ совершенно стиралась²⁾. Его знаменитые манифесты, прокламаціи, воззванія это цѣлая литература—крикливая, оглушительная, какъ шумъ битвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наркотическое средство, которымъ онъ опьянял свои войска, доводя ихъ честолюбіе до невѣроятныхъ размѣровъ. А заботы Наполеона о раненыхъ и ветеранахъ, его посѣщенія чумныхъ лазаретовъ, появленіе на опасныхъ мѣстахъ,—все это

¹⁾ A. Ruest „Napoleon I“ S. 51.

²⁾ Наполеонъ постоянно старался подчеркнуть единство свое съ арміей, у него сочетается сознание своего величія съ признаніемъ за „толпой права на собственную честь. „Я буду держаться далеко отъ огня—говоритъ Наполеонъ въ своемъ приказѣ передъ аустерлицкимъ сраженіемъ—если вы съ вашей обычной храбростью внесете въ ряды непріятельскіе беспорядокъ и смятеніе, но если побѣда будетъ хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающагося первымъ ударамъ непріятеля..., миръ, который я заключу, будетъ достоинъ моего народа, васъ и меня“. „Война и Миръ“ Т. I стр. 393. Курсыяв мой.